

На правах рукописи

Забережная Ольга Алексеевна

ИДЕОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «СИРАКАБА»

24.00.01 – теория и история культуры (культурология)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата культурологии

Москва – 2016

Работа выполнена на кафедре японской филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Научный руководитель: **МАЗУРИК Виктор Петрович,**
кандидат филологических наук, доцент

Официальные оппоненты: **СКВОРЦОВА Елена Львовна,**
доктор философских наук, старший научный сотрудник отдела сравнительного культуроведения Института Востоковедения РАН

БРЕСЛАВЕЦ Татьяна Иосифовна,
кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры японоведения Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»**

Защита состоится «__» _____ 2016 г. в «16.00» часов в ауд.442 на заседании диссертационного совета Д 209.002.09 при Московском государственном институте международных отношений (Университете) Министерства иностранных дел Российской Федерации по адресу: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке имени И.Г. Тюлина МГИМО МИД России и на сайте: www.mgimo.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета, к.филол.н.

Д.Н. Белова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Взаимодействие противоположных идейных парадигм (Запада и Востока) – актуальное явление не только для Японии конца XIX – начала XX века. В современную эпоху, когда значительно ускорился процесс культурных обменов, проблема межкультурного взаимовлияния стала еще более явной для любой страны.

Японское литературное объединение «Сиракаба» («Белая береза») было образовано вокруг одноименного журнала в 1910 году. Анализ идей писателей этой группы, существовавшей в кризисный для японской культуры период, когда происходило осознание ее различий с Западом, показывает нам вариант ориентации и творческой самореализации интеллигенции в условиях неопределенности ценностных ориентиров. Сравнивая себя с писателями «Сиракабы», понимая, насколько глубоко, или наоборот, поверхностно мы усваиваем ценности других культур, в какой мере они влияют на формирование нашего мировоззрения, мы можем попытаться разобраться в многочисленных потоках идей, отделить нужные ценности от ненужных, а это одна из главных проблем для человека в информационном мире. Осмысление своей жизненной миссии – вопрос, который решал для себя каждый участник «Сиракабы», – актуален в любую эпоху.

Вера участников «Сиракабы» в себя, в ценность человеческой жизни, в возможности человека; идея о жизни как искусстве, непоколебимый оптимизм доказали свою жизнеспособность и устойчивость к переменам на протяжении почти всего XX века. Эти идеи могут послужить неким уроком в ситуации нынешнего глобального кризиса культуры.

Кроме того, вопрос о возможности японцев действительно усвоить западную культуру и не столкнуться при этом с кризисом собственной идентификации (подобно Арисиме Такэо), сохранить внутреннюю целостность, стоит сегодня не менее остро, чем во времена существования «Сиракабы».

Совершенно различные жизненные пути писателей, счастливый или, наоборот, трагический результат их взаимодействия с другой культурой неизбежно наводят на размышление о том, в чем они были правы и в чем ошибались, какие уроки мы можем извлечь для себя в современную эпоху.

Наконец, исследование японского традиционного мировосприятия позволяет нам и сегодня прикоснуться к глубинным смыслам восточного сознания, и поэтому никогда не потеряет своей актуальности. Интерес к понятиям восточной эстетики недаром до сих пор силен среди как западных, так и японских исследователей. Изучение традиционного мировосприятия, проявленного в памятниках культуры, позволяет современному человеку глубже воспринимать искусство, обогатить свой внутренний мир, побуждает к попыткам освоить интуитивное, чувственное мировосприятие японцев и тем способствовать развитию межкультурного диалога. (Не потому ли современный западный человек так интересуется восточным культурным опытом?) Нужно вспомнить и о том, что участник «Сиракабы» Сига Наоя, писатель начала XX века, сумел сохранить художественное интуитивное мировосприятие, свойственное традиционной культуре, передавал его в своем творчестве, не заостряя внимание на отличиях от Запада (что было свойственно многим японским интеллектуалам его эпохи, отстаивавшим «почвеннические» идеалы). Исследование эстетики Сиги дает нам возможность задуматься о способах сохранения в своей картине мира (в искусстве) особенностей национальной культуры.

Теоретическая база и степень разработанности темы исследования.

Тема взаимовлияния западной и японской культур широко представлена как в отечественной, так и зарубежной японистике. Е.Л. Скворцова в своих работах показывает связь современной философско-эстетической мысли и традиционной японской эстетики. Рассматривается соотношение материалистического и прагматического западного менталитета и традиционно японского, раскрываются особенности внетекстуальной, интуитивной японской культуры, драма взаимодействия этих двух сознаний, проблема поиска национальной

идентичности. Т.П. Григорьева рассматривает японскую традиционную эстетику как часть культуры с позиций структурно-системного подхода, оценивает влияние на нее китайской мысли.

Т.М. Гуревич анализирует в своих работах концептосферу «человек» в японской культуре на основе языковой картины мира. Эта работа подтверждает актуальность антропоцентрической перспективы в современных культурологических исследованиях, подчеркивая необходимость изучения взаимовлияния Запада и Востока. Т.И. Бреславец в ряде работ, описывая портреты японских писательниц, дает разностороннюю характеристику японскому литературному обществу, охватывая и начало XX века, то есть время существования «Сиракабы». Становится очевидной гендерная проблема – закрытости японского литературного общества того времени для большинства женщин (также и «Сиракаба» была чисто мужским объединением), проблема творческой самореализации на фоне взаимодействия различных идейно-художественных течений: натурализма, романтизма, эстетизма, идеализма.

И.В. Безруков в диссертации, посвященной японскому философу Нисиде Китаро, проводит анализ философии Нисиды с позиции кардинальной антагонистичности культур Запада и Востока.

Важным подспорьем стали в данном исследовании работы Микеле Марра, который говорит о возникшем под западным влиянием контексте «двойной интерпретации» в современной эстетической мысли Японии.

Японские исследователи Такакина Сюдзи и Такэси Сямото подробно затрагивают проблему столкновения Японии с западной культурой и касаются роли «Сиракабы» в этом процессе. Оба исследователя подходят к творчеству сиракабовцев¹ научно (в отличие от критиков из круга писательских друзей), однако сохраняют верность свойственной японским ученым «экзотизации» западного искусства.

¹ Здесь и далее мы будем для удобства использовать термин «сиракабовцы», по аналогии с, например, «аполлоновцами».

Тема идейного движения «Сиракаба», его роли в японской культуре в отечественной японистике практически не разработана, существующие работы ограничиваются краткой характеристикой группы.

В зарубежных исследованиях тема «Сиракабы» представлена широко, однако спектр рассматриваемых проблем оказывается весьма ограничен. Во-первых, большинство работ сосредоточены на биографии писателей, минуя анализ и обобщение их идей. Такой подход представлен в фундаментальных трудах Хонды Сюго, Нисигаки Цутому, Судо Мацуо, комментариях к произведениям «Сиракабы» Ито Сэй, Сэнумы Сигэки. Придерживаются данного метода биографы Мусянокодзи Санэцу: Камэи Сэйитиро, Коно Тосиро, Эндо Тасуку, биографы Арисимы Такэо: Одзуяма Кунио, Ясукава Садао. В особенности это касается Сиги Наоя (см. работы Икэути Тэруо, Огавы Кунио, Нанян Гуо, Фрэнсиса Мэти), произведения которого автобиографичны. Общая особенность этих исследований – в поиске связи между биографическими и литературными фактами, реальной жизнью и художественным миром писателей.

Во-вторых, многие работы посвящены только одному из писателей вне взаимосвязи со всем объединением. Значительное место в таких исследованиях занимает критика прозы Сиги Наоя: в первую очередь, это современники Сиги: Хироцу Кадзуо, Акутагава Рюноскэ, Танидзаки Дзюнъитиро, Уно Кодзи, Кобаяси Хидэо, Таникава Тэцудзо, Ясуока Сётаро, Сикано Тацуо, Такахаси Хидэо. Хироцу Кадзуо (1891-1968) считается первым японским исследователем Сиги, он начал процесс так называемого обожествления Сиги, которое с энтузиазмом продолжили вышеупомянутые авторы, говоря о «поэтическом духе» в прозе, ее емкости и лаконичности, сенсуализме и сверхъестественной интуиции писателя.

Некоторые критики рассматривали прозу Сиги с точки зрения психической организации автора. Так, Ясуока Сётаро обнаружил у Сиги раздвоение личности. Сикано Тацуо – признаки болезненной психики.

Уильям Зибли подходил к творчеству Сиги наиболее критически из западных исследователей и рассматривает биографичность его прозы, скорее, как

недостаток. Рой Старрз видел в неброскости, лаконичности текстов Сиги эстетические принципы дзэн-буддизма. Наиболее новый анализ эстетики Сиги предлагается в исследовании Ямагути Тасуку. Позиция Ямагути, которую мы также разделяем, заключается в том, что главная привлекательная сила текстов Сиги – в их ритме. Вопрос состоит в том, как объяснить это явление для читателя, и в особенности – для западного.

Сочинение ученика Мусянокодзи, Канэко Ёбун «Живой Мусянокодзи Санэацу», стало значительным подспорьем в понимании личности писателя.

Тема влияния западной литературы и философии на Арисиму Такэо разработана в трудах Оты Тэцуо, Коидзуми Итиро.

Идеи «Сиракабы» практически не рассматривались системно. Одна из редких работ, где это присутствует, принадлежит перу Майи Мортимер, которая дает подробную характеристику общей черте литобъединения – культу Учителя как яркой харизматической личности.

Атмосферу перемен и подъема общественных движений эпохи Тайсё (1912-1926) разносторонне освещают историко-культурные работы Х. Харотуниана, Б.Зильбермана. Это историко-культурологические труды, основная задача которых не только проследить этапы идеологического развития японского общества, но и проанализировать картину культурной и общественно-политической жизни.

Формирование идейных представлений «Сиракабы» мы рассматривали в связи с гуманизмом и пацифизмом Л.Н. Толстого, идеям которого подражал Мусянокодзи Санэацу, экзистенциальной философии А. Бергсона, панпсихизма У.Уитмена, оказавших значительное влияние на Арисиму Такэо.

Объект диссертационного исследования – идеология писателей группы «Сиракаба», выраженная в их художественных произведениях и эссеистике.

Предмет диссертационного исследования – мировоззренческие установки, этические, эстетические представления трех основных писателей «Сиракабы», взаимосвязи между ними в контексте японской литературной традиции.

Цель диссертационного исследования – раскрыть сущность идеологии писателей «Сиракабы», выявить ценное для культуры эпохи и культуры в целом смысловое содержание их идей.

Задачи диссертационного исследования:

- определить понятие идеологии объединения, выявить ее характерные черты, оценить факторы, закономерно обусловившие появление этих идей,
- раскрыть способ решения представителями группы главного для них вопроса – определения собственного *эго* и его места в мире,
- обозначить роль идеологии «Сиракабы» в контексте мировоззренческих установок эпохи,
- определить место «Сиракабы» в истории японской литературы и культуры в целом,
- охарактеризовать способ усвоения писателями «Сиракабы» западной культуры и сочетания ее с традиционной эстетикой Японии,
- дать ряд рекомендаций по переводу и чтению некоторых текстов в контексте японской эстетической мысли.

Теоретико-методологические основы диссертационного исследования.

Комплексный и многогранный характер предмета исследования обусловил необходимость междисциплинарного подхода и привлечения широкого спектра методов.

В данном исследовании мы разделяем системный подход, ориентированный на создание целостной картины материальных и духовных ценностей культуры. Данная позиция позволяет изучать конкретную национально-историческую модель культуры во всей полноте взаимосвязей с другими культурами и сложного взаимодействия ее внутренних элементов.

Для выявления особенностей сосуществования новых для японцев западных ценностей и традиционно национальных используются элементы кросс-культурного анализа и компаративистики. При этом мы особо выделяем мировоззренческие модели, лежащие в основе противопоставления «западного»

(индивидуалистического, рационального, аналитического) способа мышления, и «восточного» (коллективистского, интуитивного, практического) типа. Данные модели мы обнаруживаем в прозе и эссеистике рассматриваемых писателей.

Вырабатывая рекомендации в отношении прозы Сиги Наоя, мы использовали метод, который можно назвать интуитивно-экспериментальным, пытаясь достигнуть результата с помощью перевода отрывков текстов, погружения в мир произведения, консультаций с носителями языка.

В данной работе термин «идеология» использован в более широком смысле, чем в наиболее употребительном значении политической мысли, доминирующей в той или иной группе или в обществе в целом. Мы будем понимать под идеологией систему жизненных, социокультурных, политических позиций и идей, в которых осознается и оценивается отношение людей друг к другу и социальной действительности в целом.

«Идеология» для участников «Сиракабы» – представления о действительности в первую очередь художественной. Поэтому сфера нашего анализа естественным образом ограничивается ценностно-когнитивной областью культуры. Мысль сиракабовцев нельзя назвать ни в полном смысле политической, ни философской. Она была сосредоточена вокруг них самих, направлена на осмысление человека как личности и художника, редко выходила за пределы персонального жизненного опыта авторов и почти никогда не претендовала на постановку обобщенных социальных, политических проблем. Поэтому в понятие идеологии входит не только общественно-политические взгляды, которые не имели для сиракабовцев большого значения. Под идеологией мы будем понимать систему воззрений на организацию окружающего мира, что наиболее близко японскому понятию «мысли» (*сисо:*). Это понятие принято использовать в большинстве исследований о «Сиракабе».

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые в отечественной японистике идеи группы «Сиракаба» подвергаются комплексной оценке на основе анализа творчества ведущих писателей

объединения. До сих пор в российских работах существовали лишь отдельные упоминания «Сиракабы» и ее представителей.

Так, подробно рассматривается способ взаимодействия трех основных писателей с западными ценностями и решение ими проблемы самоидентификации. Обозначен вклад «Сиракабы» в культурную историю Японии – переосмысление категорий западной и восточной этики и эстетики. Впервые изучена японская интерпретация понятия «ритма» в текстах Сиги Наоя. Показана взаимосвязь этических и эстетических идеалов с общим мировоззрением писателей.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Представления «Сиракабы» лежат в этико-эстетической сфере и были сформированы в процессе художественного познания мира в период кризиса феодального мировоззрения и активного взаимодействия с западной культурой.
2. Терминологически понятие «идеология «Сиракабы» включает в себя элементы японских понятий *сисо:* (мысль) и *ундо:* (движение). В то же время мысль участников «Сиракабы» имеет недостаточно развитую и глубокую систему взглядов для того, чтобы называться философией и недостаточную общественно-политическую основу, чтобы называться общественным движением.
3. Представления «Сиракабы» раскрывают несколько различных моделей взаимодействия японской и западной культур: сохранение приверженности традиционной культуре (Сига), невозможность совмещения (Арисима), приспособление (Мусянокодзи).
4. При несхожести мировоззренческих установок писателей «Сиракабы» обобщение в понятиях «сиракабовская мысль» или «гуманизм «Сиракабы» имеет право на существование. Однако при употреблении этого термина необходимо учитывать конкретное содержание их идей, поскольку это направление мысли обрело свое индивидуальное «лицо» в творчестве каждого из писателей в процессе их творческой самореализации.

5. Индивидуальные особенности идейных представлений участников «Сиракабы» приобретают смысловую завершенность при рассмотрении их во взаимосвязи с мировосприятием писателей. Так, пантеистическая картина мира Мусянокодзи, сенсуалистическое восприятие Сиги, христианский мистицизм Арисимы обусловили формирование, соответственно, наивного идеализма и утопического социализма, интуитивизма и экзистенциализма в мысли писателей, их эстетических представлений и художественного стиля.
6. На первый взгляд, писатели «Сиракабы» проявляли эгоистическое желание самоутверждения и следования своим желаниям, неприятие моральных принципов общества. Однако их идеи вернее охарактеризовать как творческий волюнтаризм, связанный с желанием свободы творчества. Это обусловило центральную роль авторского эго в их мировоззрении и доминанту лирического героя в художественном творчестве.
7. В эстетике Сиги Наоя ключевую роль играет концепция «ритма», поэтому анализ этого понятия дает читателю ключ к пониманию прозы писателя.
8. В период постоянных политических изменений периода Тайсё, новых экономических проблем, социальных волнений и культурной неопределенности «Сиракаба» стала оазисом для ищущих истину в искусстве, с избирательной концентрацией на творческой личности. Так, «Новая деревня» Мусянокодзи, хотя и была социальным экспериментом, идеологически не связана с современными ей проблемами и могла бы существовать при любом строе. В этом смысле «Сиракаба» – один из наиболее репрезентативных примеров тенденции обособления культуры от политики, начавшейся еще в эпоху Мэйдзи (1868-1912).

Теоретическая и практическая значимость исследования. Во-первых, понимание идейных основ прозы авторов «Сиракабы», мало исследованных в отечественных работах, расширяет область знания о японской литературе и идейных течениях начала XX века, дополняет картину культурной жизни в переходную эпоху Тайсё. Во-вторых, рассмотрение в конкретно-исторической

перспективе понятий гуманизма, индивидуализма, персонализма позволяет избежать их формальной трактовки, чем страдают многие критики «Сиракабы». Предложенные рекомендации могут быть использованы в анализе, переводе и углублении читательского понимания текстов обсуждаемых авторов и других японских писателей. В-третьих, знания о «Сиракабе» могут быть использованы в лекционных и семинарских курсах по литературоведению и культурологии, в дальнейших исследованиях литературы Нового времени. В частности, использование категории «ритма» в литературном анализе не только произведений Сиги Наоя, но и некоторых других японских писателей, поможет раскрыть ранее не понятые на Западе особенности художественного мира японского произведения, выйти на следующий уровень постижения эстетических основ литературы Японии.

Апробация результатов диссертационного исследования. Материалы работы представлены на нескольких научных конференциях: XIX Всероссийская научная конференция «Философии Восточно-Азиатского региона (Китай, Япония, Корея) и современная цивилизация» (г. Москва, 20 мая 2013), V конференция молодых японоведов «Новый взгляд» (13 декабря 2013), «Метаморфоза культур и новые перспективы» (г. Москва, 13 сентября 2013), 16-ая ежегодная конференция «История и культура Японии» (г. Москва, 17 февраля 2014), Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2014» (г. Москва, 9 апреля 2014) 17-ая ежегодная конференция «История и культура Японии» (г. Москва, 18 февраля 2015 года), XXI Всероссийская научная конференция «Философии Восточно-Азиатского региона (Китай, Япония, Корея) и современная цивилизация» (г. Москва, 25 мая 2015), 11th EAJIS Workshop for Doctoral Students (Edinburgh, June 11 2015), British Association for Japanese Studies (BAJS) Annual Conference 2015 (London, September 10, 2015).

Работа прошла апробацию в процессе стажировки в Японии, был сделан доклад на заседании кафедры эстетики Токийского университета в 2013 г.

По теме диссертации опубликованы 5 статей объемом 1,6 печатных листов, 3 из них опубликованы в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (список публикаций в конце Автореферата)

Работа была обсуждена на кафедре японской филологии ИСАА МГУ 25 сентября 2015 года и рекомендована к защите с учетом сделанных замечаний (протокол № 2).

Структура и объем работы. Структура и содержание работы определяются ее целями и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка из 152 наименований, из которых 30 на русском языке, 30 на английском языке, 92 на японском языке; в том числе 5 электронных ресурсов, и приложения. Общий объем работы составляет 173 стр.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Во **Введении** раскрывается актуальность выбранной темы исследования, степень научной разработанности темы, определяются объект и предмет, цели и задачи диссертационного исследования, методология, теоретическая и практическая ценность, основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Проблема самоидентификации в контексте антропоцентрической картины мира «Сиракабы» посвящена процессу самоопределения писателей «Сиракабы» в общемировоззренческом контексте. Определяя внутреннее развитие человека (и собственного *эго*) основным фактором развития культуры, сиракабовцы сделали человека центральной фигурой в картине мира.

В параграфе 1.1. «Разнообразие идейных течений в рамках «Сиракабы» мы характеризуем существующие направления мысли в «Сиракабе» – наивно-идеалистическое (Мусянокодзи), сенсуалистическое (Сига), религиозно-этическое (Арисима). Литература стала для писателей сферой реализации

сформировавшихся у них идеалов. Так, для Мусьянокодзи литература была площадкой моделирования теорий о человечестве, для Сиги – воплощением своего эстетического ощущения, для Арисимы – способом поделиться мучившими его этическими противоречиями

В параграфе 1.2. «Условия формирования культурной картины мира «Сиракабы» мы делаем вывод о взаимосвязи общего аристократического происхождения писателей, их идеи о собственном космополитизме с их склонностью к идеализации действительности и верой в безграничные возможности человека. Эти представления могли сформироваться только в условиях ощущения полной свободы и личной безопасности. В действительности сиракабовцы не были космополитами, гражданами мира, не делающими различия между народами и странами, способными жить в любой стране. То, что они называли космополитизмом, было их идеалистическим представлением о своей сопричастности к мировому искусству, возникшим на фоне увлечения западной живописью и литературой.

В параграфе 1.3. «Определение положения человека в картине мира» рассмотрена антропоцентрическая позиция писателей «Сиракабы» и ее индивидуальные интерпретации. Если Мусьянокодзи верил в величие человека и свою миссионерскую судьбу, то для Арисимы (что свойственно западному мышлению) человек характеризуется в первую очередь наличием диалектического противоречия между духовным и телесным началами и их непрестанной внутренней борьбой.

Мысль о центральном положении человека (а не общества и не природы) отнюдь не нова, и уже в японском обществе эпохи Тайсё получила достаточное распространение в связи с волной индивидуализма. Но сиракабовцы придали ей новое звучание. Концентрация на раскрытии индивидуальных способностей каждого человека открыла писателям прямой путь к свободе, как творческой, так и нравственной, ограниченной только необходимостью признания фундаментального права человека на счастье и самореализацию.

В параграфе 1.4. «Проблема отношения «человек-природа» отмечается, что ощущение собственной сотворенности высшей силой («волей природы») характерно для большинства сиракабовцев, но отношение к природе у них различно и обусловлено особенностями мировосприятия. Так, если Сига считал, что природа и человек образуют органическое целое, то Арисима в своем противопоставлении природы и человека, характерном для западного мировоззрения, отличается от большинства коллег-писателей.

В осмыслении природы никто из «Сиракабы» не был новатором, они усвоили или традиционное японское, или западное понимание этой проблемы. Но идея природы как помощника в становлении человека (присущая Сиге и Мусянокодзи) дала им огромное подспорье в собственной самореализации, уверенности в своих силах и оптимистичном взгляде на жизнь.

В параграфе 1.5. «Проблема религиозного самосознания и взаимодействия с христианской культурой» рассматривается религиозное мировосприятие сиракабовцев, которое оказало сильное (а в случае Арисимы – решающее) влияние на их становление как художников. Религиозная картина мира представителей объединения характеризуется различными формами синкретизма с уклоном в ту или иную сторону.

Наиболее интересны для нас случаи Мусянокодзи и Арисимы. Мусянокодзи сложился как классический натурфилософ, стремящийся рационально постичь окружающий его мир. К религии он относился утилитарно, с чем было связано его быстрое охлаждение к христианству и поклонение западным творческим личностям - тем, которые могли помочь ему «развить себя».

В Арисиме уживались христианское мировосприятие и японское традиционное мироощущение. Одновременное стремление и к рациональному познанию, и к подчинению природе не позволило ему вполне постичь христианство, доктрины которого вызывали в нем ощущение внутреннего противоречия в человеке. В частности, его отход от христианства можно видеть

на примере интерпретации понятия «души», которая в поздний период стала означать, скорее, «индивидуальность» или даже «эго».

В параграфе 1.6. «Определение цели жизни и творческой деятельности человека» рассматриваются понятия «инстинкт» и «интуиция» в интерпретации трех писателей. Мусянокодзи понимает «инстинкт» как потребность; для Арисимы, напротив, «инстинкт» – творческий импульс, противопоставленный другим формам человеческого бытия. Для Сиги его собственная интуиция – естественный способ познания мира. Цель человеческого существования – в гармонии (инстинктов, внутренней целостности), эта концепция одновременно сочетает в себе влияние теорий западного трансцендентализма и понимания гармонии как основного концепта японской культуры.

Мировоззрения трех писателей можно рассматривать как наиболее близкие к следующим системам идей: пантеизм (Мусянокодзи), сенсуализм (Сига), мистицизм и интуитивизм (Арисима).

В параграфе 1.7. «Проявление гуманистических идеалов в творчестве «Сиракабы» мы рассматриваем проявление вышеизложенных позиций в произведениях писателей и приходим к выводу о том, что идейная система, в центре которой находится творческая личность автора, обладает притягательностью для читателя, заставляя его также смотреть на мир (произведения) с персоноцентристской и гуманистической точки зрения.

На основании изложенных особенностей мировоззрения мы можем выделить идейные направления, которые относятся ко всем участникам объединения:

- Представления сиракабовцев основаны на провозглашении достоинства и самоценности человека, его свободы и права на счастье, следовательно, лежат в области гуманизма.
- Главная цель человеческого существования – самореализация творческой духовной личности, что позволяет нам говорить о персонализме.

- Идеализация действительности, воздвижение достижимых только в мире их произведений идеалов (любовь, инстинкт, воля, «высшая сила», гармония и т.д), позволяет отнести взгляды «Сиракабы» к идеализму (*рисо;сюги*) как противоположности реализму.

Писатели «Сиракабы» очертили рамки, заданные гуманизмом и персонализмом, для решения проблемы самоидентификации. Эти идейные системы наилучшим образом вписывались в систему их мировоззрения, чувство особой предназначенности, религиозных представлений (христианского или языческого) толка и художественных амбиций.

Глава 2 «Проблема общественной самореализации в мысли «Сиракабы» посвящена анализу этических представлений сиракабовцев и их способа решения проблемы взаимодействия с «другим» как членом общества (как японского, так и абстрактного, общечеловеческого).

В параграфе 2.1. «Вопрос об эгоизме в системе идей писателей «Сиракабы» рассмотрена проблема определения характера эгоизма, в котором обвиняли сиракабовцев критики.

В подразделе 2.1.1. «Взаимодействие с ближним – концепция общегармонического роста Мусянокодзи и поглощающей любви Арисимы» мы анализируем конкретные модели общественного бытия человека, предложенные двумя писателями «Сиракабы».

Утверждение о первостепенной важности самореализации (*дзико-о икасу*) разделяли все сиракабовцы, однако предлагали для этого существенно различные модели. Если Арисима предполагал преодоление своего «я», что соответствовало персоналистскому пониманию высшей творческой личности, то Мусянокодзи представлял себе идеальную картину гармоничного развития своего *эго* и «разумного эгоизма», учитывающего интересы других.

Если Мусянокодзи направляет действие «я» вовне, стремится увеличить, расширить, развить свое «я», у Арисимы это движение внутрь, к центру, к полному одиночеству. Арисима под влиянием идей Бергсона выдвигает теорию

неуправляемой и всепобеждающей любви. В соответствии с ней, любовь не отдает, а забирает и направляет полученную энергию в творческое созидание как удовлетворение фундаментального человеческого инстинкта. Главная цель такой любви – выход за рамки обыденного. Страстное желание познать высшую силу (Бога), присущее Арисиме и не получившее удовлетворения, в некой высшей форме бытия своего «я», заменило один трансцендентный объект познания на другой. Этот творческий «эгоизм» Арисимы, который заключается в полном погружении в себя, был значительно глубже и драматичнее, чем у кого бы то ни было из участников «Сиракабы», и привел писателя к неразрешимому противоречию.

В подразделе 2.1.2. «Проблема сочетания эгоизма и персонализма» поднимается вопрос о возможности взаимодействия двух противоположно направленных идейных систем. Среди членов «Сиракабы» это сочетание наиболее отчетливо проявляется в идеях Арисимы Такэо. В его теории любви эгоизм выходит за рамки стремления к собственной выгоде и превращается в трансцендентное погружение в «себя» духовного, тем самым приближаясь к персоналистическому идеалу высшей духовной личности. Идеи «Сиракабы» относились и к эгоизму, и к персонализму лишь отчасти. На их формирование повлияла только общая тенденция прославления творческой личности в их стране и западная индивидуалистическая мысль (не обязательно персоналистическая).

В подразделе 2.1.3. «Эгоцентризм Сиги Наоя» рассматривается специфическая форма эгоизма, свойственная Сиге. Он не воспринимал свое эго идеологически, для него это единственный регистратор бытия. «Я» – имеющий полномочия субъект, все действия которого оправданы и в литературе, и в жизни. Такое восприятие «себя» сформировалось у Сиги в процессе его становления как писателя независимо от европейской литературы и философской мысли.

Сиге нет необходимости расширять территорию своего «я», поскольку оно и так занимает все пространство своего бытия. Следовательно, не встает вопроса и о разделении этого пространства с другими. Гармония, к которой приходит Сига

в своем позднем творчестве, – примирение не столько с людьми, сколько с природным началом в жизни.

В подразделе 2.1.4. «Антиконформизм и волюнтаризм «Сиракабы» мы делаем заключение о том, что эгоизм писателей «Сиракабы», в котором их обвиняли критики, являлся скорее этическим волюнтаризмом, обусловленным негативным отношением сиракабовцев к традиционной морали и общепринятым нормам, ограничивающим свободное проявление индивидуальности.

«Эгоизм», в котором обвиняли сиракабовцев, благодаря этическому элементу (под внешним или внутренним влиянием) не мог превратиться во всевластие безудержного каприза и вылиться в общественно вредные действия. Это было обусловлено отсутствием такой потребности в связи с воспитанием и окружающей культурной средой, а также характерной для «Сиракабы» концентрацией на мире идеального и желание реализовываться именно там. Это была свобода выбора мысли, направления идейной деятельности, художественных принципов творчества, стремление к свободному проявлению индивидуальности, что предполагало отрицание всех внешних ограничений, которые сдерживали это проявление. Так, участники «Сиракабы» резко отрицательно относились к моральным принципам, установившимся в обществе. Это, безусловно, не означало слепого следования своим желаниям без учета окружающего мира. Поведение человека должно ограничиваться, но не внешними обстоятельствами и правилами, не христианскими догмами, а, во-первых, собственными возможностями, и, во-вторых, сугубо индивидуальными представлениями о добре и зле, честности, справедливости и других этических категориях, основанных на внутренних, природных «инстинктах».

В подразделе 2.1.5. «Идеализм в этической мысли «Сиракабы» отмечается, что поведение человека, по мысли писателей, должно быть ограничено не внешними обстоятельствами и правилами, а внутренними представлениями о добре и зле. Идеализм «Сиракабы» называли наивным главным образом потому, что их произведения полны веры в добрую

человеческую природу, в их мире как будто не существует ни плохих людей, ни зла. Это убеждение проходит красной нитью через произведения Мусянокодзи, который воздвигает идеал следования своим желаниям, «искреннему сердцу» *магокоро*, близкий и Сиге.

«Эгоизм» сиракабовцев реализовался в основном в их творчестве, носил концептуальный характер и был вполне безобиден. Он не только не умалил достоинства произведений писателей, делая их аморальными или безнравственными, а, наоборот, способствовал становлению Сиги и Мусянокодзи как художников, поскольку освобождал их от диктата морализма как пережитка феодальной литературы.

В параграфе 2.2. «Проблема императивности этических идеалов в творчестве писателей «Сиракабы» мы заключаем, что этические идеалы рассматриваемых писателей не носят императивного характера и дают читателю практически полную свободу выбора.

Этика сиракабовцев – идейная основа для их литературы, где, в числе прочего, проявляется их идеал «этического» человека, который у Мусянокодзи рассудителен, оптимистичен, в меру эгоистичен и счастлив, у Арисимы – обладает почти сверхъестественной способностью постигать свое духовное «я», а у Сиги предстает внимательно наблюдающим за собой практиком естественного течения жизни, стихийным экзистенциалистом.

Литература для сиракабовцев – средство достижения личного счастья, а не пропаганды априорных этических ценностей. Они считали литературу способом стать лучше, хотя технология и идеология этого процесса самосовершенствования у всех была различна. Поэтому они не навязывают читателю своих идей в этой области, но излагают ряд идеалов, которым читатель может следовать по своему желанию.

В параграфе 2.3. «Концепция витальности в японской культуре и мысли «Сиракабы» мы рассматриваем концепцию жизни как противопоставленную конформистской морали.

Волюнтаризм «Сиракабы» сформировался в тесной связи с так называемой концепцией витальности, которую разделяли не только представители объединения. Идея «жизни» как потока творческой энергии, свободного самовыражения, будучи противопоставлена конформистской морали, стала в эпоху «Сиракабы» суперконцептом, пронизывавшим все сферы духовной культуры, что и заложило основы витализма (*сэймэйсюги*) Тайсё. Такое понимание жизни сформировалось под влиянием западной мысли и основ традиционного синтоистского мировосприятия в противовес конфуцианским представлениям.

Если Мусянокодзи прославляет человеческую жизнь в целом (и свою в частности) как данную «волей природы», то Сига Наоя сочетает неразличение жизни и смерти, характерное для японского мировосприятия, с типично сиракабовским позитивистским пониманием жизни как движения вперед и развития. В отличие от Сиги, Арисима отчетливо разграничивает реальную физическую жизнь с одной стороны и идеальное представление о ней с другой.

Для Арисимы физическая жизнь – страдание, поскольку приносит с собой неразрешимый конфликт между телесным и духовным. Для него жизнь эго, индивидуальности, то есть истинная, единая жизнь неразделенного сознания, – главное и единственное благо.

В параграфе 2.4. «Проблема взаимоотношения «я-другой» в современном «Сиракабе» обществе» мы анализируем социалистические начинания Арисимы и Мусянокодзи, а также милитаристские настроения последнего, особое внимание уделяя тому, как идеи «Сиракабы» выражались в конкретном, современном им обществе.

И Мусянокодзи, и Арисима нашли в западных теориях социализма и анархизма то, что было им наиболее близко, и свободно интерпретировали эти теории. Однако если увлечение Арисимы социализмом было вызвано желанием помочь неимущим классам, то для Мусянокодзи это диктовалось его общим интересом к западному гуманизму.

Та же проблема определения «себя», но с точки зрения национальной идентичности, встала перед сиракабовцами во время войны, и Мусянокодзи выбрал национально-конформистский путь ее решения. Грубость и простота милитаристских идей Мусянокодзи свидетельствуют о том, что для него это не было напряженным поиском национальной или культурной идентичности, или попыткой доказать уникальность японской культуры. Этот эпизод показывает, что Мусянокодзи вовсе не был таким индивидуалистом, как утверждал, в нем под давлением обстоятельств сказался традиционный японский коллективизм, как нельзя лучше совпавший тогда с его проповедническими амбициями.

Мусянокодзи, который считал себя пророком своего времени, идеей самосовершенствования сумел вдохновить часть соотечественников. Арисима, тонко чувствуя кризис своей эпохи, усваивая его влияния, стал одним из его символов, отражением этого мировосприятия, но не оказал на последующих писателей значительного влияния. Сига – наоборот, смог создать вокруг себя сферу художественного влияния, и множество последователей пыталось постичь его модель реализации целостного, интуитивного самосознания.

В главе 3 «Проблема самореализации в творчестве и эстетическая мысль «Сиракабы» анализируются взгляды писателей объединения на искусство и способ самовоплощения в творчестве.

В параграфе 3.1. «Освоение западной эстетической культуры в Японии конца XIX – начала XX века» рассматривается увлечение сиракабовцев европейскими художниками и проблема «западного» характера творчества Арисимы.

Сиракабовцы неизбежно сталкивались с проблемой соотношения западной и японской традиций в виде либо их непротиворечивого сочетания или же предпочтения одной перед другой. При восхищении и увлечении западным искусством они смотрели на него как на нечто экзотическое.

Обилие необычного для японцев художественного материала и интерес сиракабовцев к большинству новых для них направлений, суждение о художнике

в первую очередь по его личному характеру и индивидуальным особенностям привело к «перешагиванию» через эпохи, без какой бы то ни было систематической оценки истории развития искусства.

В отличие от других участников, Арисима со свойственной ему склонностью к обобщению, дедукции стремился составить целостное представление об искусстве. Арисима не основал новых эстетических теорий и не открыл художественных методов. Но его проза – пример практически полного усвоения западной художественной традиции и ее воплощения в японской литературе. Можно сказать, что он смотрит на японскую реальность глазами европейца и христианина, чем вряд ли мог бы похвастать какой-либо писатель в его время. Проза Арисимы как уникальное явление в японской литературе продолжает исследоваться наиболее активно из всех писателей «Сиракабы» и по сей день.

В параграфе 3.2. «Традиционное мировосприятие в эстетических идеях «Сиракабы» рассматриваются художественные представления Сиги Наоя, обусловленные его традиционно японским интуитивно-чувственным мировосприятием.

Сига, начав писательскую карьеру в рамках «Сиракабы», впоследствии стал общепризнанным мастером короткого рассказа и разработал свой собственный уникальный стиль, для которого характерны сжатость, лаконичность, краткость изложения. Сига как самостоятельный писатель стал крупным явлением в японской литературе, однако только немногие его произведения переведены на западные языки ввиду малой привлекательности его прозы для западного читателя и трудности адекватного перевода.

В своих оценках искусства Сига постоянно привлекает определенные образные характеристики. Из всех используемых писателем терминов, именно «ритм», на наш взгляд, наиболее полно вбирает в себя все те качества, которые ценил Сига в художественном произведении. Наличие или отсутствие «ритма», по мысли писателя, отличает художественное от нехудожественного и обыденного.

Суждение о наличии «сущности» в произведении основано на интуиции Сиги и направлено на отделение настоящего от искусственного. Подлинное содержит в себе красоту («силу», «свечение» и т.д.), а искусственный объект, даже самый совершенный, не может обладать внутренней движущей силой, необходимой для художественного результата. Это противопоставление внешней «умелости» и внутренней красоты – важнейший способ судить о ценности художественного произведения для Сиги.

В сравнении прозы Сиги и Арисимы мы видим противопоставление двух эстетических парадигм. Тексты Арисимы сложны и замысловаты по сравнению с рассказами Сиги, богаты эпитетами, метафорами, развернутыми сравнениями. Арисима старается точно и подробно описать явление, для этого ему необходимо время, его описание начинается издалека и постепенно сужается, концентрируется на сущности описываемого, и только тогда проступает отчетливый образ. Сига же находит из множества выражений самое точное и передает сущность явления точно, остро, максимально кратко, но не менее отчетливо.

В параграфе 3.3. «Концепция ритма в прозе Сиги Наоя» мы детально анализируем основную категорию эстетики Сиги – «ритм» – с его особенностями фонетической, грамматической, смысловой организации, которая обеспечивает существование текста как уникальной системы в пространстве и времени за счет повторения или иного взаимодействия его элементов. Ритмический эффект создается в текстах Сиги разделением текста на краткие отрывки, инверсии, грамматическими и фонетическими средствами. Однако суть концепции «ритма» заключается не в особенностях структурной организации текстов Сиги. Красота для него – понятие не абстрактного мышления, а вполне конкретного, даже физиологического ощущения. Сига переосмыслил понятие «ритм», обогатил его. Из понятия ритмической пульсации текста или абстрактно-мистического «духовного ритма» Сига практически уравнивает биологический ритм с литературным (прозаическим). Именно поэтому ритм как пульс, как частота

сердцебиения или дыхания, то есть как биологическое явление – центральная категория его эстетики.

Полученные знания о представлениях Сиги позволяют выработать ряд рекомендаций для работы с его текстами. В частности, что действия переводчика должны быть направлены не на точность и внешнюю художественность, а на улавливание «ритма», который оказывает главное воздействие на японского читателя, но не сохраняется в большинстве переводов на другие языки.

Мусянокодзи видел в искусстве, кроме радости и удовольствия, свою общечеловеческую миссию, способ самореализации и достижения мировой красоты (одновременно гармонии, добра, мира). Арисима воспринимал искусство двояко – во-первых, как идеальную сущность, результат действия абсолютного инстинкта любви, высшую форму движения воли художника, достигшего внутреннего единства. Во-вторых, Арисима видел в искусстве объект для изучения, применял к нему различные теории, выстраивал системы, стадии, подобно развитию духа у Гегеля, говорил об искусстве как о развитии инстинкта любви. Для Сиги искусство – также сфера реализации себя, но происходило это естественным образом, без аналитических построений, как естественное течение жизни.

В Заключении представлены основные **выводы исследования**:

1. Сочетание японского и западного обусловило специфику идеологии «Сиракабы». Яркое проявление индивидуальности в творчестве западных художников, несомненно, стало открытием для сиракабовцев, но, с другой стороны, некоторые новейшие достижения западной культуры, как, например, «философию жизни», порожденную попыткой постичь иррациональное, они воспринимали в духе привычной для них синтоистской ментальности.
2. В период освоения японцами системы индивидуалистических ценностей сиракабовцы, представив свои варианты интерпретации эго современного

человека, каждый по-своему разрешили вопрос самоидентификации индивида. На примере Мусянокодзи мы видим прагматичную позицию усвоения выборочных, наиболее «удобных» западных ценностей, что является классической моделью культурной адаптации по-японски. Арисима всей своей жизнью явил необычный для японцев способ глубокого внутреннего освоения западной культуры. Арисима – трагический пример освоения западных ценностей, поскольку он не смог достичь согласия этих двух миров в своем сознании. Сига Наоя не пытался осваивать западных ценностей и остался в лоне японской эстетической традиции, продемонстрировав в ней новые возможности восприятия. Сигу можно назвать примером действительно удачного взаимодействия (не усвоения) с западной культурой с позиции глобализма и культурной конвергенции.

3. Этика сиракабовцев ориентирована на достижение творческого счастья и поэтому предполагает свободный выбор индивидуальных нравственных установок, но только в пределах, сохраняющих такой же личную свободу другого индивида.

4. В эстетической мысли «Сиракабы» главная задача художника – передать «искреннее чувство» (*дзиккан*), основанное на интуитивном познании мира. На практике это удалось в большей степени реализовать Сиге Наоя, благодаря преимущественно сенсуальному способу познания мира в духе японской культурной традиции.

5. При анализе творчества Сиги Наоя специального рассмотрения требует эстетический эффект, который его проза оказывает на японского читателя. При переводе его текстов необходимо обращать внимание на их ритмическую организацию, принимать во внимание близость текстов Сиги к биологическим ритмам и находить способы передать это на иностранном языке.

6. Идеиные позиции Мусянокодзи и Сиги доказали свою жизнеспособность и могут (в меняющейся форме) существовать в любую эпоху и при любом строе.

7. Гуманизм в Японии, который сформировался совершенно в иных условиях, чем западный, не был исторически выстрадан обществом, был усвоен писателями

«Сиракабы» лишь выборочно и интерпретирован в рамках присущего им восточного (синтоистско-буддийского) менталитета и на фоне увлечения западной культурой.

8. Персонализм «Сиракабы» был близок западному в понимании реальности как проявлении активности духовной личности, но теистического элемента, обязательного для западного персонализма, он не включал. Этот персонализм появился в противовес не западному рационализму, а, скорее, конформизму японского общества, стал вариантом реализации индивидуалистической мысли.

9. Примеры этических и эстетических поисков писателей «Сиракабы» напоминают нам о сложности проблемы и ее актуальности и по сей день. Где безопасная граница проникновения японского художника в мир западной духовности, за которой начинаются неразрешимые кризисы, как в случае с Арисимой? С другой стороны, могут ли западные читатели достичь понимания прозы Сиги Наоя на том уровне, на котором ощущают ее ритм представители японской культуры, в рамках своей западной идентичности с ее осознанной противопоставленностью природе? Во всяком случае, изучение идеологии «Сиракабы» позволяет нам видеть возможности дальнейших поисков в направлении взаимного постижения культур. В дальнейших исследованиях этой тематики представляется продуктивным более активное привлечение данных психологии, религиоведения и искусствознания.

В **Списке литературы** представлены использованные материалы на русском, английском и японском языках. **Приложение** содержит краткий глоссарий.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора общим объемом **1,6** п.л. Все публикации по теме диссертации.

В журналах из списка, рекомендованного ВАК России:

1. Забережная О.А. Ритм в прозе японского писателя Сиги Наоя // **Филологические науки. Вопросы теории и практики.** 2014 – №12(42), ч.II. С. 81-84.(0,1 п.л.)

2. Забережная О.А. Эстетические взгляды писателя Сига Наоя // Вестник Московского университета. Серия 13 : Востоковедение. 2015 - № 2. С.29-37. (0,4 п.л.)
3. Забережная О.А. Индивидуалистическая мысль литературного объединения «Сиракаба-ха»: – Мусянокодзи Санэцу и Арисима Такэо // Вестник Бурятского государственного университета. 2015 – № 6. С. 135 – 140. (0,2 п.л.)

В прочих изданиях:

4. Забережная О.А. Этическая мысль японского литературного объединения «Сиракаба» (Белая береза) – проблема эгоизма // Япония. Ежегодник. М.: АИРО XXI, 2015. – С. 198-211.(0,5 п.л.)
5. Забережная О.А. Эстетические представления писателя Сиги Наоя // Сборник V конференции молодых японоведов «Новый взгляд». М.: Алетейя, 2013. – С.169-181.(0,4 п.л.)